

- [Поучения, извлеченные из речей преосвященного Иннокентия](#)
 - [ИЗ СЛОВА НА НОВЫЙ ГОД](#)
 - [«Не сообразуйтесь с веком сим»](#)
 - [Время жизни есть искус, когда надобно все приобрести, все изготовить, всем запастись](#)
 - [ИЗ СЛОВА В ДЕНЬ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА И ПРОЧИХ БЕСПЛОТНЫХ СИЛ](#)
 - [О добром семени и о плевелах](#)
 - [ИЗ СЛОВА В ДЕНЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ, О БЛАГОЧЕСТИИ](#)
 - [ИЗ СЛОВА О ЧАДАХ БОЖИИХ И НАСЛЕДНИКАХ ЦАРСТВИЯ НЕБЕСНОГО ОТЦА](#)
 - [СИЛА БОЖИЯ В НЕМОЩИ СОВЕРШАЕТСЯ](#)
 - [О ПОВИНОВЕНИИ ВЛАСТЯМ](#)
-
-

Введение

Поучения, извлеченные из речей преосвященного Иннокентия

«Не сообразуйтесь с веком сим»

Новый тысяча восемьсот восьмой год. Столько лет уже, как Небесный Сеятель начал сеять на земле семя Слова Божия, столько лет земля сия удобряется и размягчается, столько лет, что ныне уже, по словам учителей Церкви,— осень мира. Но доселе окаменелое человеческое сердце — отвердевшая земля, пившая множицей сходящие на нее росу и дождь. Доселе, как описывает Апостол, все так же во зле лежит тот, от которого он отвращает римлян: «умоляю вас, братия, не сообразуйтесь с веком сим» ([Рим. 12:2](#)). Мы, слушатели, вступая на новое поприще, начиная новое лето, с намерением принести новые и большие плоды благочестия, с намерением прославить славимого на небесах, в душах и телах наших, не должны ли и мы отнестись к себе моления апостола Павла: «умоляю вас, братия, не сообразуйтесь с веком сим» ([Рим. 12:2](#))! С веком сим, обыкновениями времени, с толпой народа, увлекаемого на все нечестием, побеждаемого всюду страстями,— со светом, который помрачает свет истинный, который и жертвенник нечестию? Вряд ли кто-то отвергнет сие учение Апостола — под предлогом, что здесь говорится о веке древнего Рима, нравы которого изображены живыми красками в начале сего послания, исчислены и беззакония. Если мы только вникнем подробнее, сколь содействуют обыкновения века сего вере Евангелия, истинному Богопочитанию и нравственности. Вы не оскорбитесь, слушатели благие, если я немощной рукою несколько открою завесу, скрывающую от очей наших безобразие мира, дабы хотя беглым оком обозреть поверхность оною, не проникая во внутренности. Князь тьмы, пользуясь слабостью человеческой, употребляет ее как орудие к ниспровержению Истины Евангелия. Минутными удовольствиями, точно как усыпительными зелиями, заставляя человека забыть. Таким образом, он готовит различные нападения для исторжения семени Христова из сердец человеческих, не упускает ни одной минуты, выгодной для исполнения своих замыслов. При самом рождении младенца на свет он влагает неосторожным родителям мысль воспитать его чужими руками ... Им нужен человек со вкусом, оборотливый, хитрый, проницательный, — словом, человек, способный жить в свете, всему тому и обучают.— Где же христианство, где же вера Евангелия? Боже мой! Это, — говорят, — для нынешнего века не так нужно. Малопросвещенные в воспитании детей пекутся не о чем другом, как о своем чреве; думают, что все воспитание состоит только в пище и питии, и вместо христианского учения снабжают детей бреднями, нелепыми выдумками, совсем противными истине Евангелия. И сии предубеждения от дедов оканчиваются во внуцатах, по большей части, не раньше, как с жизнью. В таком же заблуждении ходят многие из «мудрых» века сего, которые оставили свет истинный и пленились мечтами утонченного, блистательного умствования. А за сей именитой толпой «любомудрых» стремится, не зная куда, бесчисленное множество легкомысленных, с завязанными глазами; они знают только одно: важность лиц предшествующих — для них руководство, обыкновение их — для них закон, учение их, какое бы ни было, для них божественно. Где же вера Евангелия? Редко, как искра из-под пепла, просияет в толпе обыкновенных людей сердце, истинно приемлющее учение Бога своего.— «Не сообразуйтесь с веком сим».

Могут ли очи ума обращаться к свету истинному, когда они столько помрачены предубеждениями, что, кроме своих познаний, все прочее считают за ложное? Болящие глазами от света удаляются. Люди увлекаются предубеждениями в две крайности относительно Богопочитания: одни чрезмерно прилепляются к наружному, другие — ко внутреннему. Те хотят только строгим исполнением обрядов воздать Богу истинное почтение; сии — сделаться вдруг бесплотными, молиться, говорить, поклоняться духом одним, наружность, тоже

священную, почитая как бы излишеством. Но поклонение первых, как Иудеев, водимых наружностью, явно отвергает Господь устами Пророка: «Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя» ([Ис.1:14](#)); «ваша жертва мерзость для Меня»; а сих Апостол называет анафемой: «Если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» ([Гал.1:8](#)). Достаточный признак духа и учения бесовского — если это скрывается под чем-либо непроницаемым. Истина всегда открыта; ложь всегда прикрывается. Но ищущий поглотить весь мир, не насыщается сими добычами; он еще и ум человеческий ослепляет, приноравливаясь к склонностям каждого. Кроткого, правосудного Бога многим представляет он чрезмерно строгим, и они — не как дети, но как упорные рабы — с отчаянием ужасаются Его; другим — безмерно милосердным, и они думают, что бездна милосердия превысит их беззакония, а потому продолжают оные. Что еще? В мире таятся идолопоклонники. Это те, которые все во вселенной обращают к самим себе. Господствующие над ними страсти — это их идолы,— в угождение которым даже самые скупые приносят богатые жертвы. Наконец, — не оскорбитесь, благомыслящие! — если бы Сердцеведец пришел в храм сей, как некогда в Иерусалимский, может быть, в эту самую минуту нашел бы между нами продающих и покупающих, нашел бы таких, которые священную сень сию превращают в вертеп разбойников. И это тоже ходящие во власти князи мира сего, по обыкновениям века.— Так как же не молить вас словами Апостола: «братия, не сообразуйтесь с веком сим!»

Когда ослабевают благочестие, когда Истина облачается в одежду призраков, когда сердца человеческие исполняются духом сопротивления, тогда нравственность может быть только испорченной. Чем менее основываются на истине Евангелия обыкновения века сего, тем более они отвратительны, ужасны, пагубны. Где действуют одни прихоти, управляют неистовые страсти, царствует самолюбие, то какая может быть там сообразность Евангелию? Обратите внимание на общие правила, приемлемые и утверждаемые в мире, на которых основываются прочие бесчисленные — Вот они: «Первая любовь — есть любовь к самому себе; лета молодости суть лета удовольствий. Позволительно проводить время как заблагорассудится. Мы не обязаны быть более благочестивыми, чем другие. Можно жить так, как все. Острые слова, сказанные на счет другого, суть соль в обращении. Честному человеку не свойственно сносить поношения — благоразумным душам прилично мщение. Честолюбие есть знак великого духа. Хитрые разумны, а простосердечные достойны посмеяния. Лесть и обман не запрещаются, но даже нужны во многих случаях. Ради своей выгоды, но только с осмотрительностью, можно себе все позволить.» Какое из сих правил не разрушает основ учения Христова?

Скажут: мы живем так, как все прочие; если оставить обыкновения века сего, что с нами будет? Зачем задавать такой вопрос христианину? Давно предрек Ходатай наш, Бог, и вместе ободрил нас: «Блаженны вы, когда будут поносить вас за Меня» ([Мф.5:11](#)). Радуйтесь, вы Мои есть, если ненавидит вас мир. «Но ведь я, — помышляет иной, — останусь тогда один в свете; можно ли на это решиться?» Вспомни, что и тогда, когда пророки были избиты, алтари раскопаны, когда вопиял Илия: «Остался я один» ([3Цар. 19:14—19](#)), — и тогда еще «оставалось семь тысяч мужей, не приклонивших колен перед Ваалом». Скажешь еще, что слабость, немощь плоти, множество беззаконий — суть бразды, удерживающие стремительный дух. Но кто без слабостей, кто не человек? Кто бы подумал, что разбойник удостоится награды небесной — «сегодня же будешь со Мною в раю» ([Лк.23:43](#))! Кто бы смел помыслить, что Савл, дышащий злобой и прещением на Церковь Божию, падет перед вратами Дамаска, восклицая: «Господи, что повелишь мне делать» ([Деян.9:6](#))? Преобразимся и мы обновлением ума нашего — нас тоже осияет свет небесный. «Но возможно ли, — мыслят некоторые, — чтобы это произошло со мною, чтобы я сего удостоился — я, едва понимающий сам себя? О, род неверный! Чем можно уверить его, когда не верит словам Божиим? Святой Киприан опытно узнал сие. «Когда я, —

говорит он,— находился во мраке и глубокой ночи невежества; когда, плавая по бурному океану века сего и колеблясь в нерешимости, блуждал в удалении от света и истины, тогда по оним нравам моим совсем невозможным почитал, чтобы переменял кто дух и мысли, не разрывая уз телесных? Как может быть это, чтобы врожденное как бы естеством и от долговременности застаревшее — все с себя свергнуть? Ибо я, продолжает святой, столь многим подвержен был заблуждениям, что не чаял избавиться от них; столько укореняющимся порокам во мне раболепствовал, что отчаявшись в добродетели, благоприятствовал злу, как собственности моей. Но когда всего себя посвятил Богу, возложив на Него все упование, всю мысль, все желание — причастился дара небесного, глагола Божия, тогда в сердце мое излился ясный и чистый свет; тогда вдруг удивительным образом почувствовал, что все сомнительное разрешалось, сокровенное открывалось, мрачное имело свет, неудобное казалось удобным, невозможное возможным.» Вот человек, подобный нам во всем, осиянный свыше! Не «сообразуйтесь с веком сим», зная, сколько он содействует воле змия. Но преобразуйтесь обновлением ума вашего, сообразуетесь Евангелию, истинному Богочитанию и благочестию...

Новое лето. Начнем же новую жизнь, дабы новое и большее низвести на нас благоволение Божие. Ты же, Господи, в руке Которого времена и лета, Ты, посещающий землю, напояющий и обогащающий, еще напои борозды ее, умножь жито ее, да более и более наполняется Житница Твоя. Еще «благословиши венец лета благости Твоея» ([Пс.64:12](#)), дабы хищные птицы не склевали небесного Твоего семени, да умножат Тебе пшеницу угодия Твои и тако да совершится жатва, достойная Тебя, Сеятеля, и жателей Твоих — Ангелов. Аминь.

Произнесено в 1808 году

Время жизни есть искус, когда надобно все приобрести, все изготовить, всем запастись

Сочинитель, описывая порядок всего творения и течение всего временного, продолжает:

...Что ж мы? — Мы только разбираем течение планет, только исчисляем лета, дни и годы, а течение времени, течение нашей жизни как бы забываем. Почему мы иногда жалуемся на чрезвычайную быстроту времени, а иногда досадуем на чрезмерную медленность? Мы почти всегда дивимся необычайным переменам вокруг нас, — и не обращаем внимания на самих себя. Живем, как бы думая, что будем жить здесь вечно, даже при всех угрожающих нам переменам, — и сами себя обманываем, забывши между тем, что время также обманчиво... Время насколько невозвратно, настолько драгоценно. Оно есть Богом данный талант, которым должно купить все для вечности. Для вечности, где нет ни перемен, ни уменьшения, ни прошедшего, ни будущего. Поэтому, чтобы не приблизиться к бездне оной незаметно, чтобы нечаянно не опуститься в мрачную могилу, — с какою крайней бережливостью должно расточать этот талант — сию небесную драгоценность — для приобретения всего необходимого! Всякое творение, имеющее жизнь, обязательно должно действовать. По естественным законам, эта цепь действий не раньше должна оканчиваться, чем само бытие. Бытие же всякого существа называется временем жизни. Поэтому время жизни есть нечто иное, как порядок действий, следующих непосредственно одно за другим. Действия бывают троякого рода: одни естественные, необходимые и свойственные вообще всем творениям; другие — произвольные и приличные бессловесным животным, водимым одним инстинктом, и третьи, — свободные, приличные единственной разумной твари — человеку. Отсюда видно, что время человеческой жизни должно состоять не из естественных и не из произвольных только, но из непрерывной цепи свободных действий. Тот, кто производит одни естественные действия, представляет собой машину; кто одни произвольные — встает на место скота, червя, роющегося в грязи. Сим-то животным сказано: «Огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем» ([Ис.6:10](#)). Это сказано тем, очи которых обращены на злое — по их склонности, уши отягощены льстивыми приветствиями страстей, движения сердца задавлены прихотями. Сии как раз те самые, которые не знают, куда девать время жизни своей, которые не стыдятся беспрестанно жаловаться на скуку, говорить, что не с кем провести время, и — о, безумие! — досадовать на медлительность оною. Это те, которые крепко спят, и чей сон продолжится до смерти. Бездеятельность есть сон; всякое неприличное или не надлежащее человеку действие можно назвать бездеятельностью. Так те, которые проводят время жизни своей по собственным прихотям, по научениям буйных страстей и испорченного рассудка, — так они во всю ночь и спят, жалкие, и спят крепко! Неужели не слышат они голоса, пронизающего до разделения членов и мозгов, голоса, непрестанно взывающего: «встань! встань спящий!» проснись, усыпленный распутством страстей своих, и «воскресни от мертвых»; совлеки с себя мертвенность сию, и «осветит тебя Христос» ([Еф.5:14](#)). Вот те, которые проводят жизнь, сами не зная как. Действуют, но — поскольку действуют соответственно бессловесным, водимым чувственностью, — остаются без действия. Сие объяснит возражение многих, которые говорят: «Кто без действия? — Всякий свое исполняет, действует со всею силою, со всем старанием.» «Точно так — посмотри! любочестивый суетится, бегаёт и туда и сюда, ища себе зрителей; чувственный с большим беспокойством ищет чего-то еще худшего; корыстолюбивый — золота». Так! Они не теряют ни одной минуты, нужной для себя, — и для них время тоже драгоценно. Но призраки жизни навсегда призраками и останутся: жизнь без добродетели есть призрак и сон — то есть смерть.

Время жизни есть искус, когда надобно все приобрести, все изготовить, всем запасть, есть опасный, висящий над бездною утес, на котором мы строим корабль наш — и он должен пуститься в море. Корабль, не снабженный всеми принадлежностями, как только спускается в море, потопает. Сила воды непрестанно действует, непрестанно подрывает берег. Потому каждый час, каждая минута приближает к нам падение наше. Следовательно, увы! — горе нам! — если этот обманчивый утес обрушится прежде, чем достроим корабль наш. Тогда вместе с необделанными обломками ниспровергнемся в бездну и навсегда будем лишь жертвою мятущихся волн. Поэтому-то учит нас Павел: «смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые!» Готовьте все не для времени, но для вечности, «дорожа временем, потому что дни лукавы» ([Еф. 5:15](#)). Готовьте, «доколе есть день» ([Ин. 9:4](#); 12, 35), пока есть время, доколе действует благодать на сердца наши, пока голос Евангелия пробуждает нас. «Встань! встань спящий, воскресни от мертвых»: да не спим, но бодрствуем, пока называемся частью тела Христова, да сотворим из нас жертву живую, святую и Богу благоугодную. Так действуя, будем ходить не как немудрые, но как мудрые. Из продолжения сих самих действий состоит время жизни нашей. Сокрыт от нас предел Божьего милосердия. Неизвестно, когда завершится день, только мы совершенно уверены, что «придет же день Господень как тать ночью» ([2 Пет. 3:10](#)). Да и слышим голос Евангелия: «в который час не думаете, придет Сын Человеческий» ([Лк. 12:40](#)). Кто знает? Может быть, в самую сию минуту, когда произношу слово это, окончится долготерпение. В самую сию минуту остановится всеобщий жизненный пульс, глас грома воззовет нас в новую жизнь, и само это святилище будет общей для всех нас могилой, общим гробом. Слушатели, готовы ли вы на это? Готовы ли в сию минуту соединиться со Христом? Вот Жених идет — «идите навстречу» ([Мф. 25:6](#); 12,13). Горе нам, горе нам, если придет к нам спящим, или светильники наши угаснут по недостатку елея. Мы, не имея его, не поспешим на встречу и во след Жениха нашего, и хотя со стенанием после молиться будем: «Господи, Господи, открой нам», — услышим строгий, но праведный приговор на вечную казнь: «Не знаю вас!»

Каждый час, каждую минуту должно ожидать Жениха, Который придет внезапно. А для этого каждый час, каждую минуту должно запечатлеть действием, достойным неба, Церкви и Жениха этого — Сына Божия. Вот сколь драгоценно время, сколь драгоценна и одна минута времени.

Произнесено в 1809 году

**ИЗ СЛОВА В ДЕНЬ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА
И ПРОЧИХ БЕСПЛОТНЫХ СИЛ**

О добром семени и о плевелах

«Рабы же, придя» к Господину, «сказали ему: Господин! Не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нем плевелы? хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но Он сказал: нет, — оставьте расти вместе то и другое до жатвы» ([Мф. 13:27—30](#)). Так воплощенное Слово, указывая на план судеб Своих, невидимое изображает в вещах видимых, Божественное — в явлениях обыкновенных, сокровенное — в образах чувственных. Так Сын Божий открывает Себя в хозяине поля, в добром семени — сынов царствия, а в плевелах — сынов неприязненных. Вы здесь видите еще рабов, заботящихся о семенах Господина своего, устремляющихся к отделению плевел от пшеницы. Это, по изъяснению самой Истины, благие бесплотные Силы, которых ныне Церковь прославляет хвалебными песнями. Это духи, на служение в деле спасения посылаемые, это пламень огненный, естественно направляемый на сожжение плевел полевых. Так, слушатели, давно бы доброе семя было очищено, давно бы сыны неприязненные, сыны тьмы истреблены были с поля огнем, силою свыше, если бы правосудие, соединяясь с милосердием, до сих пор им не противодействовало; «нет, — оставьте расти то и другое до жатвы» ([Мф. 13:30](#)). Итак, пшеница и плевелы растут вместе. Небесный Господин этого поля позволяет сынам неприязненным, порождениям ехидниным множиться между сынами царствия, чадами Божиими. Какое терпение, какое милосердие, какое мудрое намерение! ... Мысленными очами взирая на это определение, между прочим, находим в нем позволение восставать буре зол, влекущей за собою бедствия, поущение неистовому беззаконию угнетать безмолвное благочестие. Известно, что муж законопреступный, помышляющий разврат, определяет все зло. Сей, по словам мудрого, «есть печь злобы». Разделять с таким чудовищем неистовства один угол земли, а может быть, и один кров, возможно ли без скорбей, без притеснения, без бедствий? Пророк, живший среди людей огорчающих Бога, среди беззаконных и нечестивых израильтян, оставил нам беспристрастное описание: «Сын человеческий! ты будешь жить среди скорпионов» ([Иез. 2:6](#)). Но да не споткнутся о камень этот ноги наши, от причины дойдем до следствий. Вникнув в план Провидения, нельзя подлинно не признаться, что экономия спасения строго рассчитана. Муж благочестивый в мире этом должен проводить дни среди скорпионов, живя между законопреступными, должен сгорать в печи ненависти и злобы. Но скажите: глиняный сосуд годен ли к употреблению, не быв прежде испытан в печи огненной? Драгоценность под корою имеет ли цену свою? Сколько имеет примеси золото, в горниле не искушенное? Так и небесное золото, смешанное с нечистотою мира, чтобы воссиять в полном величии своем, не должно ли быть искушено седмицею? Ах, слушатели, если следовать мысленно за народом, от Самого Бога избранным, начиная от двора фараонова до Иордана, затем до двукратного пленения — ужас объемлет, какой употреблен огонь для очищения золота этого, какую теснотою, сколькими скорбями, гладом и жаждою, сколькими врагов нападениями искушен народ Божий, благословенные чада во Аврааме, Исааке и Иакове! Но что еще? И Глава Церкви, Иисус Христос, любящий невесту Свою более, нежели всякий человек свое тело, пустил воспламениться ярости в сердцах языческих, и вместо обуздания их неистовства, позволил угнетать святых Своих, позволил даже проливать кровь праведную. Что бы здесь подумал тот, который еще не мыслил, что все благо в руке Божией? Но Церковь через это колебание отрясла нечистоту от ног своих, во всей полноте открыла свое величие. И в то самое время, когда лилась кровь христианская, распространилась в народах даже до самых концов вселенной. Вот как золото искушенное разливает блеск свой! Вот как Промысел, всегда посмеиваясь над предприятием врагов благочестия, обращает их злоухищрения к исполнению намерений Своих.

Для сего-то и ныне, слушатели, праведник должен обитать посреди людей строптивых и развращенных, да явятся дела его благие, да яснее откроется величие, да подвиги и труды увенчаются большею славою. Взирая с другой стороны на преднамерение этого определения, нельзя не удивиться Мудрости, все непостижимо устрояющей к высокой цели Своей. Какой самый слабый рассудок, самое простое понятие не поймет, что если предоставлена польза сынам царствия от сынов неприязненных, то тем более сынам нечестия от чад Божиих! Зажженный светильник на подсвечнике не может не освещать приближающихся к нему. Порождения тьмы, сияясь или затмить таковой пламень или совсем погасить и ниспровергнуть сынов света, неминуемо освящаются их сиянием. Кому неизвестно, что терпение мучеников, победившее царей со всеми их вооружениями, со всею силою и могуществом, озарило умы языческие, рассеяло мрак идолопоклонства? Подлинно — «Стезя праведных — как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня» ([Прит.4:18](#)).

Таким образом, каждый благочестивый, живущий посреди людей жестоких и грубых сердцем, есть не иное что, как посланный к ним обличитель нечестия, как пророк Нафан, указывающий дому Израильскому на его беззаконие. Представьте себе праведника, зрите на него внимательно, слушайте, что речет вам его кротость, его унижение, его бедность, его нищета, его терпение, его любовь! О, как ясно проповедует праведник обличение противников своих! Смело можно сказать, что деяния праведника суть тоже, что и язвы мысленного Фараона, князя мира сего, в море погрязшего... «Оставьте расти и то и другое до жатвы», — говорит Господь, конечно не хотя «смерти умирающего, -но покайтесь и живите» ([Иез.18:32](#)). Но что, если огрубело сердце людей и очи свои закрывают, чтобы не видеть света Евангельского, и ушами тяжело слышат, дабы насильственно не вкралась какая мысль благая. Если, говорю, все учение Христово как невыгодное и времени не приличное, отложено, и благочестие служит только предметом презрения и посмеяния; если все сие в самой высшей степени, а жатва еще не начинается, Ангелы еще медлят исторгать плевелы — не думаете ли, что праведный Судия оставит нечестие и совсем уже не обращает, так сказать, внимания на него?— Нет! Для того не истребляет злодеяния, — отвечает Истина, — «чтобы, выбирая плевелы, не выдергать и пшеницы» ([Мф.13:29](#)). О, какое милосердие для грешников! Поистине, Господи, только возлюбленные сыны Твои сохраняют нас — сынов неприязненных! Заключаю тем, что крайне безрассудны и слепы те, которые, по причине медленности наказания, или совсем не ждут праведного воздаяния или откладывают исправление до такого времени, когда исправиться невозможно будет.

Произнесено 26 ноября 1807 года

ИЗ СЛОВА В ДЕНЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ, О БЛАГОЧЕСТИИ

Что есть благочестие? Трудно заключить сие понятие в границах так называемого определения: но довольно будет, если рассмотрим общие и главные черты для отличия противоположаемых им. ""Благочестие есть навык просвещенного откровением рассудка, навык искренности, навык жертвовать Богу всем в жизни, навык ревностного сердца.""

""Благочестие предполагает навык просвещенного откровением рассудка."" Здесь не исключается сердечная простота говорить и делать все откровенно. Это есть мудрость, которой суетные мудрецы еще не находили в важных своих изобретениях, ведение Христианского учения, для всех возможного. Занятие откровением не для изощрения только понятий, не для блистательного умствования, занятие не для головы, но для сердца, и всего Христова учения сердечное приятие, с твердой надеждой, что во всем прочем просветит Тот, Кто просвещает всякого человека, Кто умудряет самих младенцев. ""Благочестие предполагает навык просвещенного откровением рассудка."" Оно не позволяет вкратку неверию и суеверию. Пусть явится волк под шкурой овечьей, чтобы уловить кротость, не знающую хитрости, пусть придет в виде Ангела князь тьмы благовестить нечто новое, по-видимому, выше откровения. Но просвещенное благочестие проникает в злобные преднамерения утонченного искусства адского. Да и хотя бы искунитель, намереваясь обольстить, предложил все очарования благ сегодняшних и чувственных, представив перед очами царствия мира и славу, то и тогда истинный ученик Христов, которому Небесный Учитель показал правило: «довольно для ученика быть как его учитель» ([Мф.10:25](#)), не замедлит возразить: «Отойди от меня, сатана» ([Мф.4:10](#)). Без этого небесного озарения кто бы воспротивился столь скрытной злости врага темного? Кто бы, при слабости чувств, без истинного просвещения, не уподобился трости, ветром учения всюду преклоняемой, младенцу, до изнеможения гонящемся за каждым мимолетающим насекомым? Без сего просвещения удивительно ли, что некоторые из легкомысленных заблуждения предков своих принимают законом, и слепые повести — Евангелием, малозначащие обряды — делами добродетельнейшими? Удивительно ли, что не разумея существа религии, водятся одной наружностью, и часто возжением на алтаре нескольких зерен благовонного фимиама думают заглушить зловоние нечестия своего, а этим священные обряды превращают в уродливые? Так истинное благочестие непременно основывается на просвещении свыше. Апостол Павел склоняет к этому Ефесян, говоря: «непрестанно вспоминаю о вас в молитвах моих: чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его» ([Еф.1:16—17](#)). И пророк: «открой очи мои», — вопиет ко Господу-да «уразумею чудеса закона Твоего» ([Пс.118:19](#)), «который есть светильник ногам моим и свет стезям моим» ([Пс.118:105](#)). Когда этот светильник зажжён в сердце благочестивого, то уже не может в нем таиться мрак. Тогда он искренен, а это отделяет благочестие от лицемерия. Хитрое притворство весьма искусно умеет показывать святость свою, так что всякий удобно в нем обмануться может. Представьте себе такого лицемера, воззрите на его вид: какая степенность, подумаете, ничто ее переменить не может; на одежду: какой убор особенный, кажется, тут ничего не может крыться, кроме благоговения; послушайте разговор: какая строгость к соблазнам, какое знание нравственности! Представим, что он всю жизнь проводит в сем занятии. Следуйте за ним в храм: какое усердие! Как часто возводит очи, воздыхает, как низко приклоняет главу, как унижен, смирен. Кто не согласится, что это совершенный христианин!

Но для чего такая строгая исполнительность, для чего такое беспокойство к приобретению

всего почтенного? Для того, чтобы выгодно поместиться в мыслях народа, для того, чтобы сим похвалиться с тщеславием, для того, чтоб когда-нибудь указали на него: вот человек благоговейный! Оригинал сего изображения показал Иисус Христос в фарисеях своего времени, к которым относится такая угроза: «змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну» ([Мф.23:33](#)). Ах, слушатели, что, если и между нами, здесь, таятся еще остатки такого проклятого невежества! Напротив, наружность истинно благочестивого есть изображение внутреннего. Искренность есть изображение внутреннего. Искренность есть единственное его свойство. Он не имеет тех мыслей, какие фарисей, хотя по наружности иногда с ним сходен. Он ничего не помышляет, кроме того, что предписывает Апостол: «братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что любезно, что достоуважно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте» ([Флп.4:8](#)). Он в сердце своем непрестанно вопиет с Петром ко Спасителю: «Господи, Ты все знаешь»; Тебе открыто сердце мое: «Ты знаешь, как люблю Тебя» ([Ин. 21:17](#)); а таким образом непрестанно силится воспламенить в себе любовь к Богу, соответствующую любви Его. Есть люди, по природе склонные к уединению, скромные, молчаливые. Они вдаются в чрезмерную радость, в излишние удовольствия, они естественно занимаются более собою, редко с кем-нибудь общаются, удаляются шумной толпы народа, мятежного мира. Все это похвально, но если они исполняют это по своим только склонностям, только для своего удовольствия, для своего спокойствия, то эта блистательная наружность впоследствии может быть пагубна. Их можно сравнить с теми, которые истинам Евангелия верят только по предубеждениям, потому что, к счастью их, верили оным или отец их, или дед, или наставник. Как эти не имеют истинной, живой веры, так и те, которые исполняют некоторые обязанности христианские только потому, что они с их нравами сходны, никакой не возносят перед Богом приятной жертвы повиновения.

Истинно благочестивый для Бога всем жертвует, оставляет дом отца, детей, супругу, имение, оставляет себя самого, чтобы приобрести Бога. «Вот мы», — говорили Апостолы, — «оставили все» ([Мф. 19:27](#)), «те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» ([Гал.5:22](#)). Счастлив, кто в жизни своей самым тайным нападениям вражиим со стороны тонкого самолюбия непрестанно противится, и, как воин, защищающий град, мечет отовсюду на врага своего огонь, укрепляется, и все против него устремляет усилия. К такой деятельности, к такой неутомимости удобно присоединяется ревность и жар к исполнению всех обязанностей. Следственно, недеятельность и леность христиан противны благочестию. Да и в самом деле, эти ли христиане, которые хорошо знают все обязанности религии, но только умозрительно? Это ли христиане, которые признают свое идолопоклонство, но от него не отказываются. Всем жертвуют, даже если можно, самой религией собственному кумиру, какой-нибудь господствующей в них страсти? Это ли христиане, которые показывают некоторую ревность ко внешности христианства, а духу и сущности его противятся? Которые нередко посещают храмы, отверзают слух для словес Божественных, собственною и, кажется, усердною рукою возжигают светильники, чтут празднования, но все это только по обыкновению или из-за благопристойности, а сердце и мысли заняты своими расчетами? Это ли ревность христианская — скучают иногда медленным молитвословием? Боже мой! Если уже беседа с Тобою тягостна, то что будет для них Крест Твой? Нет, слушатели, истинно благочестивый имеет ревность ко христианству ничем не преодолимую... Поэтому осмелится ли кто считать себя истинно благочестивым, если имеет только холодные к Богу чувства? В нем хотя ревность иногда возгорается, но как зажженная солома, воспламенившись, тотчас гаснет, как луч молнии во время мрачной ночи, осветивши все, в той же оставляет темноте. В сердце истинно благочестивого этот огонь никогда не гаснет, поскольку имеет общение с Богом. Он столько близок к таинственному Жениху своему, что «левая рука Его», — говорит, — «у меня под

головой, а правая обнимает меня; так любит Его, что любовь его крепка как смерть. Она пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить ее и реки не зальют ее» (Пес. песн. 8, 3 — 7). Вот некоторые черты истинного благочестия, того самого, о котором упоминает Апостол: «Благочестие на все полезно» ([1 Тим. 4:8](#)).

Произнесено 6 декабря 1807 года

ИЗ СЛОВА О ЧАДАХ БОЖИИХ И НАСЛЕДНИКАХ ЦАРСТВИЯ НЕБЕСНОГО ОТЦА

Сочинитель, рассуждая о рождении человека, изъясняет, кто суть истинные чада; кто может надеяться быть наследником Небесного Отца, и говорит: Как часто это нежное наименование (Отец) объясняет одно право на наследство отцовское! Ты отец мой! — повторяют они, но сколько раз для того единственно, чтобы вытребовать все, что нужно их прихотям. «Ты отец мой!» — иногда произносят с трепетом, но потому, что еще несколько боятся строгости отцовской. «Ты отец мой!» — твердят многие с уважительностью, но потому, что отец их богат, славен, у многих в почтении. «Ты отец мой!» — говорят многие только по одной привычке. «Ты отец мой!» — но в сем приятном наименовании сколько детей скрывают яд злобы, ненависти, отвращения, презрения и пр. Ах! Кто узнает в таковом исчадии своего сына, хотя бы он тысячекратно или более повторял: «Ты отец мой, Ты родитель мой!» Ужасно, но надобно уподобить этим вырождакам многих, называющих Бога Отцом, сердечно же отрекающихся от Него. Фарисеи — точное изображение сыновей только по названию, но, к несчастью, слишком много можно найти последователей их. Может быть и здесь, перед этим святилищем, есть ученики их, а между ними и слепцы, которые держатся за края одежды риз их и следуют, сами не зная куда. Они или по привычке, или по недоумению, или для лучшей скрытности Бога именуют Отцом. Их язык, подобно часовому молоту, машиной передвигаемому, часто издает звук, составляющий слова: Отче наш небесный! Но это ли сыны Божий? Это ли дети Отца Небесного? Они, конечно, забыли, что таковое притворство посрамлено Иисусом Христом в упорных иудеях, утверждавших: «мы семя Авраамово; отец наш есть Авраам» ([Ин. 8:33, 39](#)); конечно, забыли название свое: «порождение ехиднино» ([Мф. 23:33](#))! Нет! Это не дети, которым Бог гневными устами Пророка предпочитает даже скотские влечения, говоря: «вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего» ([Ис. 1:3](#)), а сыны мои, «Израиль не знает Меня», Израиль, который не стыдится говорить дереву: «ты мой отец», и камню: «ты родил мя» ([Иер. 2:27](#))! Не думайте, слушатели, чтобы я разрушал печать, положенную на гробе рабства смертью Иисуса Христа: я возвещаю общее всех Богу усыновление, объявляю то, что Бог снизошел до человечества для того, чтобы человека возвести до Божества. Сын Божий был Сыном человеческим, чтобы человека соделать сыном Божиим. Впрочем, это сыноположение есть только разрешение от уз рабства, освобождение от работы, соединенной с боязнью — легчайшее средство повергать себя в объятия отеческие, а не насильственное, как понимают многие, всех к Богу привлечение. Многие мыслят в сердце своем: «Если без всякого содействия я сын Богу, то и наследник, если же наследник, то во всем сонаследник Христу.» Но известно, слушатели, что у Исаака, отца нашего, не все чада Исааковы: один Иаков, а другой во всем противоположный первому Исав. Между тем, и тот и другой все еще сыны, а не рабы Исааковы. Неужели кто подумает, что сын Давидов, искавший престола и жизни отца своего, и тогда еще имеет право на отеческое наследство, когда чадолюбивый Давид проливает о нем слезы со стенанием: ""Авессалом, Авессалом! Сын мой Авессалом"" ([2Цар. 18:33](#)), — Авессалом и тогда был сын Давидов, но уже не наследник. Все, которые не Христовы, лишь точные изображения Авессалома перед лицом Отца Небесного. Да и как, подлинно, Небесный Отец может усыновить того, кто при каждом о Нем напоминании отвечает Фараоновым языком: «кто такой Бог Израилев, чтобы я послушался голоса Его» ([Исх. 5:2](#)); и каждым действием, каждой мыслью клянется: «не знаю Его» ([Исх. 5:2](#))? Как усыновить того, кто, властвуя каким-либо благом мира, подобно Навуходносору, мечтает в уме своем: «на

небо взыду?» Как усыновить того, кто, как Сеннахерим Ассирийский, все в одном себе находит? Нет! Это, смею сказать, сами себе уже боги, а перед лицом Отца Небесного они суть те дети, которые, получив часть наследия, удалились в страну далекую проживать способности ума и сердца; и там совсем противного избрали себе отца — отца гордости, самонадеяния, лжи — дьявола. Они, хотя и не приняли духа служения из страха, а духа сыноположения, однако, никаким образом не могут присвоить себе имя чад Божиих. Апостол Павел одно, но довольно отличительное сынов Божиих свойство показал Римлянам: «ибо все водимые Духом Божиим суть сыны Божии» ([Рим. 8:14](#)). Для лицемерия сии слова Павловы — пробный камень, к которому оно, прикоснувшись, обнажает срамоту свою. Да слышит об этом каждое порождение мира, и о сей камень да разобьет идола своего. Да слышит изнеженное или, лучше сказать, измученное чадо льстивой матери — плоти, той матери, которая, питая молоком детей своих, сама питается кровью их, да слышит и ужаснется своей адской кормилицы, да слышит, что пока кто состоит под властью ее, дотоле никак не сын истинного Небесного Отца. Те лишь сыны Божии, которые носят на себе нестертый образ Отца своего Бога. Те сыны Божии, в которых перст Его чертит все действия, мысли, намерения и помышления, по свидетельству Писания: «Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению» ([Флп. 2:13](#)). Воля Божия есть их побуждение и закон, потому-то истинные сыны Божий при каждом действии вопиют ко Отцу своему во всем: «О Боже мой! Не моя, но Твоя да будет воля.» А из этого можно заключить, что сыны Божии если что любят, то более всего Отца Небесного, если чего боятся, то прежде и более всего боятся Бога. Если что почитают, то выше всего Бога, если поклоняются, то единому Богу, если что хвалят, чему удивляются, то Творцу и Богу Отцу своему. Если веруют, уповают, надеются, то уже совершенно и ни на кого, кроме Отца Небесного. Словом, они все черпают от неисчерпаемого Источника, Бога, и все возвращают к Нему, под руководством живущего в них Духа Божия. Эти-то, слушатели, и есть сыны Божий, водимые Духом Божиим. И таковой на земле живущий человек, если изрекает суд, то какой, если не праведный? Что говорит, если не истину? Как проходит звание, если не со всевозможной святостью? Каким бывает владыкой, если не другом и отцом? Каким подданным, если не вернейшим сыном? Что он ни делает, все делает во славу Божию. Этот-то сосуд избран в честь и славу, этот-то сосуд украшен и серебром, и золотом, и драгоценным камнем...

Боже, Отче наш! Мы рабы греха, однако еще не забыли говорить Тебе: Отче Наш, Отче Небесный! Сотвори, да столько же, сколько языком, изрекаем и умом, мыслью и сердцем нашим: Боже сердца, Боже Отче Наш! Да так низведем на нас Твое с небес благоволение: «Вы чада Мои, на вас утвержу благословения Моя».

Произнесено 20 апреля 1807 года

СИЛА БОЖИЯ В НЕМОЩИ СОВЕРШАЕТСЯ

Сочинитель, описывая слабости и немощи человечества, сопровождающие каждого живущего в мире от самой колыбели до могилы, продолжает: — Кто не признается, что Промысел слабость и ничтожность положил браздами неукротимой стремительности суетного человека? До чего бы простерлась дерзость, одушевленная гордостью, если бы слабость не была камнем преткновения? Чего бы не вздумала затейливая суетность, если бы ничтожность не преграждала хода ее? Как бы высоко взгромоздилось надмение, если бы основание его не нарушилось, и бедный, обманутый счастливец, жалкая жертва суетности, с болью, по мере возвышения, не ниспровергался к подножию основания своего? Так, суетность часто созидает нечто подобное, как некогда столп и град; но когда Всесильный перст указывает ей немощь ее, то все намерения, все предприятия также рассеиваются, как народы, созидавшие громаду ту; вся быстрота, вся деятельность остаются без действия. Поэтому можно сказать, что слабость наша есть то же, что на судне груз, помещаемый для равновесия, для удержания от бурных вихрей и волн, порывающих его во все стороны. Кто же скажет, что он лишний, что он не надобен? И далее, описывая также слабость нашу, сочинитель говорит: Мы сами по себе точно составляем то, что написано Ангелу Лаодикийской Церкви: «не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг» ([Апок. 3:17](#)). Мы не имеем ничего своего, сверх того, все-все угрожает нам опасностью и бедствием. Чего еще не достает бедности, нищете и окаянству нашему?

Здесь легкомыслие, может быть, изострит язык свой, как меч против Творца, так создающего нас за то, что тело наше есть центр всех слабостей, за то, что нагота, бедность, скудость, слепота — это свойства, от тела неотъемлемые. Но да молчит тварь, когда говорит Дух Творческий устами избранного Своего, который так утешает нас: мы страждем, бываем наги, скорбим, мучимся, умираем, и далее: «сокровище сие» — дар Святого Духа, «мы носим в глиняных сосудах, в нас слабых, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам» ([2Кор. 4:7](#)).

Мы слабы, немощны, но сила Божия в наших немощах совершается! Так и мы, слушатели, вместо роптания на слабости, не должны ли прибегать к Богу крепкому, сильному и благому, так как слово, сказанное Лаодикийскому Ангелу, вразумляет: «не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и главною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть» ([Апок. 3:17, 18](#)). Мы немощны для того, чтобы вне Бога не искали Бога, чтобы на Бога, а не на себя надеялись. Ибо надеяться на себя,— то же, что опираться на трость сокрушенную. Мы бедные и нищие — один Бог обогатит и обедняет. Мы слепы и наги — один Иисус открывает слепым зрение, один Тот, Кто облагает природу лучшей, чем у Соломона, красотой, может облечь и нас одеянием. «Мы окаянны» — знаете ли, к Кому вопиет Петр, ходящий по морю, и Павел в узах и темнице? Один, сотворивший вселенную, все создает в ней.

Из слова, произнесенного 25 июня 1817 года

О ПОВИНОВЕНИИ ВЛАСТЯМ

Сочинитель объясняет истину, что власть предержавшие постановляются от самого Бога, а потому мы должны им повиноваться и проч. — Итак, мы верим, что дающий жизнь и бытие дает средства к продолжению их. Соединяющий различные способности, различные наклонности и умы воедино, объединяющий многих в одно семейство, избирает единого попечителя, отца, которому вручает судьбу семейства: «всякая душа да будет покорна властям, ибо нет власти не от Бога» ([Рим. 13:1](#)), — слова Апостола Павла. Еще: «надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» ([Рим. 13:5](#)). Устремление различного рода людей к единой цели есть не что иное, как согласование многообразных звуков в одну приятную гармонию. Согласовать звук струн может только рука, одушевленная искусством художника, располагающая их по мере, числу и тону... Лица, составляющие многочисленное общество, это струны: какая же рука может располагать ими, ударять, для общественного согласия, если не рука, одушевленная искусством того, который должен быть весь око, весь ухо. Не это ли самое есть, по свидетельству Писания, «перст Божий» ([Исх. 8:19](#))?

Перст Божий! Как, подлинно, не удивляться! Один человек столькими умами людей, различных по возрасту, состоянию, наклонностям, по месту и времени, управляет к единой цели! Как не удивляться, что ему, который еще не прошел общих границ человечества, который есть также, как слабое растение, чья жизнь, как полевой цвет, зеленеющий утром и увядающий к вечеру, — этому одному человеку миллионы людей подчиняются? Какая это сила, какое очарование! Это не очарование, но сила Божия. «Бог стал в сонме богов», — говорит царь и пророк, — «посреди богов произнес суд» ([Пс. 81:1](#)). Бог в сонме богов, в сонме тех, кого Сам учинил богами над жребием прочих людей, как некогда Моисея над фараоном: «Я поставил тебя Богом фараону» ([Исх. 7:1](#)), изрекает Свой суд, освещает волю Свою, просвещает разум их, освещает истину, увенчивает правдою. Бог в сонме богов: чего же опасаться им? Если стопы их, не спотыкаясь, воздвизаются по пути, Богом предписанному, то довольное имеют уверение в Навине, которому рек Всесильный: «никто не устоит перед тобою во все дни жизни твоей; и Я буду с тобою и не оставлю тебя» (Иис. [Нав. 1:5](#)). С ними Бог присутствует, управляет их советами, дарует счастливое оных окончание и защищает против злобы, восстающей на них. Бог в сонме богов сих. Всесильный доселе царствует во вселенной над всеми людьми и над нами, слушатели, но поскольку слабость человеческая не может выдержать вида Божия, для того и употребляет средством человека, через которого управляет царством, утверждает права и законы, казнит виноватых и защищает невинных. Как назовем мы этого исполнителя Божиих повелений гнева и защищений? Как, говорю, назовем, если не избранным Божиим? Он, по словам Апостола, «носит меч» ([Рим. 13:4](#))- меч, ограждающий благих и вращающийся на погибель злых — меч мщеника. Трепещите, злодеи! Избранный Божий меч носит. Мщение есть дело Божие: «У Меня отмщение, Я воздам» ([Втор. 32:35](#)). Кто же может вручить этот меч, кроме Обладателя им? Вышняя власть перепоручает низшей, но откуда получает первая? Кем устраиваются престолы царей, кем рука сильного пишет правду? Самый простой рассудок может как бы по степеням дойти до этого. Обнимающий вселенную рукой Своей, как гнездо, конечно, обнимает и народ каждый. Если ни один волос главы нашей не упадет без воли Вседержителя, то неужели судящий земли — те, от манования которых зависит многих спокойствие или теснота, счастье или бедствие, слезы или радость, казнь или оправдание, жизнь или смерть, — принимают такую власть и силу по слепому случаю? Но довольно: «Бог стал в сонме богов» ([Пс. 81:1](#)). Не удивительно, что здесь легкомысленные сердца, исполнившись ярости, воскликнут: «Кровь праведная, кровь мучеников вопиет против Тебя. Как

и тираны, все бешенство и злобу излившие на невинность, на благочестие христиан — эти львы, терзавшие агнцев, — так же, как прочие, от Бога учинены были?» Я не против ярости отвечаю; но по свидетельству блаженного учителя Церкви, который говорит, что Один и Тот же, Который дал власть Марию, дал и Цезарю; Который дал Августу, Тот же Самый дал и Нерону; который дал Веспасиану отцу и сыну — кротким императорам, Тот же Самый дал и жесточайшему Домициану; и после, Давший власть Константину Великому, Сей же Самый дал и Юлиану-богоотступнику. Но на что более: Христос перед лицом Пилата отвечает: «ты не имел бы надо Мною никакой власти, если не было бы дано тебе свыше» ([Ин. 19:11](#)). Всякий, получивший власть законно, каков бы он ни был, благочестивый или нечестивый, злой или добрый, получил ее от Бога. Всевышний вручает царство нечестивому или для собственного исправления его, как Елифазу Феманитину ([Иов. 42:9](#)) и обоим друзьям его, или им наказывает беззакония народа. Когда заблудший в путях своих Израиль простирал руки ко Господу с прошением дать ему царя и князя, то сказал Господь устами Осии: «Дал тебе царя во гневе Моим, и отнял в негодовании Моим. Свяzano в узел беззаконие Ефрема; муки родительницы постигнут его» ([Ос. 13:11—13](#)). Не казнь ли Божию объявляет Исаяя народу нечестивому: отыму, — говорит Господь, — «воина, и прозорливца, и старца, и пятидесятника, и мудрого советника; и дам им отроков в начальники их, и дети будут господствовать ими» ([Ис. 3:2, 3](#)), и тогда, — присоединяет пророк, — «и один будет угнетаем другим, и каждый — ближним своим; юноша будет нагло превозноситься над старцем, и простолюдин над вельможею» ([Ис. 3:5](#)). Следовательно, если суровая рука вращает меч Божий по внушению внутреннего своего советника нечестия — это есть казнь Божия, казнь народу за его нечестие. Потому коварное упорство не оправдывает своего сопротивления власти бесчестным употреблением оной. Злоупотребление всегда бесчестно. Но этим еще не исторгается меч из рук судящего. Давид не смел сопротивляться сыну Киссову даже и тогда, когда злодейским образом был от него преследуем. Сопротивление власти тогда только позволительно, когда должно повиноваться Богу, а не человеку, когда вынуждается исполнение закона, противного Евангелию. Справедлив Ахиким, защитивший Иеремию от меча Иоакимова, Иезекия, прежде подданный царя Ассирийского, испытавший все средства склонить его к пощаде религии Иудейской, по праву отстал от него и упорно защищал от ужаснейших нападений себя и народ свой. Во всех прочих случаях сопротивляющийся власти Божьему велению противится. Заслуги недостойно награждены, дарования не отмечены; лишают имения, дома, детей исторгают из объятия, часто несправедливо для отечества — это есть власть Божия; Бог, посредством людей, Сам карает нас. Бог в сердцах владык царствует над нами. Какой страх, какой ужас для нечестия! Пусть тонкая ложь, часто подкупленная, пусть низкая лесть иногда пользуются человеческою слабостью в высших, но сердцеведец рано или поздно вскрыет их личину, обнаружит сердца адские, посрамит их блеск и величие. Да ведают они: им Бог отмщение, Бог сильный, крепкий, ревнивый, огонь поедающий. «Бог отмщение!»

Бог в сердцах предержавших присутствует! Какая же должна быть покорность наша? Воздать должный урок, заплатить дань, — есть только покорность наружная. Но если мы даже мыслим против власти, то уже мы тайные изменники, предатели, тайные возмутители. В нас нет ни мира, ни спокойствия, ни тишины, ни согласия; отечество от нас ничего доброго ожидать не может. Нам ежели не мстит человек, — «Бог отмщение». Истинная покорность должна быть, по словам Апостола, «не только из страха наказания, но и по совести» ([Рим. 13:5](#)), не из боязни наказания, но из собственного расположения, такая же, как сыновей к родителям. Иначе все наше повиновение есть лишь притворство, которым, обманывая человека, думаем обмануть, — какая несмысленность — обмануть Бога... Отче Небесный! Мы, дети Твои, простираем к Тебе руки наши: да царствуют еще над нами сыны царствия Твоего, которых Ты избрал в наследие Тебе. Боже Отче Небесный! Будь с нами, не оставляй нас. Аминь.

Из слова, произнесенного 13 января 1818 года